

Вместе с тем Леонардо должен был надеяться, что, возможно, есть другие, разделяющие его необычное толкование Нового Завета, кто распознает в картине тайную символику. Или же кто-то когда-то, некий объективный наблюдатель однажды поймет образ таинственной женщины, связанной с буквой «М», и задаст вопросы, с очевидностью из этого вытекающие. Кто была эта «М» и почему она столь важна? Почему Леонардо рискнул своей репутацией — даже жизнью в те дни, когда еретики повсюду горели на кострах, — чтобы включить ее в основополагающую для христианина сцену? Кто бы она ни была, ее судьба не может не вызывать тревоги, поскольку протянутая рука режет ее изящно выгнутую шею. Угроза, заключенная в этом жесте, сомнений вызвать не может.

Поднятый прямо перед ликом Спасителя указательный палец другой руки с очевидной страстностью угрожает и ему самому. Но и Иисус и «М» выглядят людьми, не замечающими угрозу, каждый из них полностью погружен в мир своих дум, каждый в собственной манере безмятежен и спокоен. Но все вместе выглядит так, будто тайные символы использованы не только для того, чтобы предупредить Иисуса и сидящую рядом *женщину* (?), но и сообщить (а может быть, напомнить) наблюдателю о некой информации, которую обнародовать другим способом было бы опасно. Не использовал ли Леонардо свое творение для обнародования каких-то особых верований, провозгласить которые обычным способом было бы просто безумием? И не могли бы эти верования быть посланием, адресованным гораздо более широкому кругу, а не только ближнему его окружению? Может быть, они были предназначены и для нас, для людей нашего времени?

Вернемся к рассмотрению этого поразительного творения. На фреске справа, с точки зрения наблюдателя, высокий бородатый мужчина согнулся почти вдвое, что-то рассказывая ученику, сидящему у края стола. При этом он практически полностью повернулся спиной к Спасителю. Моделью для изображения этого ученика — Святого Фаддея или Святого Иуды — служил сам Леонардо. Отметим, что изображение художников эпохи Возрождения, как правило, либо случайны либо делались тогда, когда художник был красивой моделью. В данном случае мы имеем дело с примером использования образа приверженцем *double entendre* (двойного смысла). (Он был озабочен поиском нужной модели для каждого из апостолов, о чем можно судить по его бунтарскому предложению, сделанному самому разгневанному приору монастыря святой Марии, послужить моделью для Иуды.) Так почему Леонардо изобразил себя столь явно отвернувшимся от Иисуса?

Более того. Необычная рука целит кинжалом в живот ученика, сидящего всего через одного человека от «М». Эта рука не может принадлежать никому из тех, кто сидит за столом, поскольку для удержания кинжала в таком положении подобный изгиб физически невозможен для людей, находящихся рядом с изображением руки. Однако действительно